

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ МАРГИНАЛИЗАЦИИ В СТРУКТУРЕ ПОЗДНЕЕВРОПЕЙСКОГО ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Феномен социальной маргинализации в западноевропейском обществе эпохи Позднего средневековья относится к тем специфическим культурно-антропологическим факторам, в которых наиболее ярко отражается сфера сознательного и бессознательного, господствовавшие социальные нормы, структуры и менталитет. Маргинальность – одна из характерных особенностей европейского доиндустриального общества [8, с.50], отражавшая усложнение социальной дифференциации и проявлявшаяся, прежде всего, в урбанистической глубоко корпоративной городской среде. В своей основе процесс маргинализации базируется на диспозиции действительности и представлений о действительности, на диспозиции свой и чужой, чуждый. Поэтому статус того или иного человека или группы мог быть дефинирован только в соотношении с другими людьми и социальными группами и являлся одним из индикаторов развития общества. В рамках тенденций стратификации и корпоративной консолидации, охвативших позднесредневековое западноевропейское общество, процессы социальной перегруппировки и изменений нашли своё отражение в статутах и положениях, издаваемых городскими властями и профессиональными корпорациями: новые формулировки городского права и уставов, определяющих взаимоотношения между городом и горожанами, между отдельными цехами, между клиром и городом, между городом и сеньорами.

Экономические процессы того времени приводили к существенному увеличению доли городских низов, к социальному опусканию многих социальных групп в экономически среднем слое, к процессам пауперизации в аграрной сфере, к увеличению разрыва между имущими и неимущими, к обострению социальных конфликтов. Это создавало условия для иррациональной атмосферы коллективной угрозы и направляло агрессию, подогреваемую страхом потери социального статуса, на социальные эрзац-объекты. Различные общественные группы – семья, церковь, гильдии, цехи – имели большое значение для социализации, единства ценностей и формирования идентичности отдельных членов группы и, являясь основой социальных связей, в решающей степени влияли на общественную ориентацию членов группы. [7, с. 120; 9, с.16, 99-100]

Анализ маргинальных групп раскрывает феномены и демонстрирует процессы маргинализации преимущественно в контексте господствовавших представлений и норм церкви, светских властей, общества в целом и самих маргинальных групп, а также ставит вопрос о механизмах, вызывающих маргинализацию. Исходным пунктом является отклоняющееся поведение

¹ Публикуется в авторской редакции.

отдельных лиц или групп позднесредневекового западноевропейского общества, под которым понималось поведение, не конформное действующим нормам и ценностям. К этому относилось нарушение социальных, религиозных и эстетических норм, отклонение от общепринятого, психопатологическое или негативно оцениваемое поведение или характеристики, качества. Под психопатологическим поведением следует понимать необычные, считавшиеся опасными болезни (например, проказа) и психические заболевания. Нарушением норм могли считаться как физические (рыжие волосы, уродства), так и религиозные (еретики, ведьмы), а также «моральные» (внебрачное материнство, проституция, ростовщичество) отклонения. При этом для позднесредневекового западноевропейского общества характерно то, что отклоняющимся поведением могло считаться не только активное отклонение от норм и ценностей, но также и в целом «инаковость», обусловленная рождением или индивидуальной судьбой. Так, например, бедность, физические или душевные болезни, а также принадлежность к определённой стигматизированной группе, как тогда считалось, были следствием не только божьей воли, но также и собственной вины или «прегрешения отцов».[8, с.100]

Важным условием для социальной реализации отклоняющегося поведения являлась его очевидность, видимость для окружающего социума. Нераскрытые еретики, криминальные элементы, ведьмы, проститутки, тайно осуществляемое живодёрство и т.д. не могли расцениваться как отклоняющееся поведение. [6, с. 397, 399] «Поведение людей является в той мере отклоняющимся, в какой оно рассматривается как несоответствующее нормативным ожиданиям группы, и в которой оно вызывает личные или коллективные реакции, которые сводятся к тому, что лица, демонстрирующие такое отклонение, подвергаются «изоляции», «исправлению», «улучшению» или «наказанию». [14, с. 30] Общество в целом, его определённые этаблированные группы или институты реагировали на данные отклонения негативно, в том числе посредством тех или иных рестриктивных санкций, независимо от того, не могли ли или не хотели определённые лица соблюдать нормы. [8, с.99-100] Церковь, светская власть и общественная основа на основании своих нормативных требований определяли как то, что является отклоняющимся поведением, так и его степень, а также уровень его толерантности. [6, с. 401; 8, с. 100] В этом отношении могла присутствовать более высокая или низкая степень неприятия. [8, с.51] Отклоняющееся поведение стигматизировало того, для кого оно было характерно, и указывало на того, кто по природе или в силу социальных обстоятельств являлся воплощением отрицательных и вызывающих отвращение характеристик. [4, с. 42; 8, с.101] Маргинализация конституировалась в значительной степени путём стигматизации, то есть лицо или группа лиц категоризировались на основании действующих негативно признаков, включающих и влекущих за собой социальную

дискриминацию. [6, с. 396] Стигматизация могла исходить от большинства, от отдельных общественных групп, например, горожан, или от элитарного меньшинства, устанавливающего нормы (теологи, знать, патрициат). Предубеждения и дискриминация были тесно связаны между собой. Предубеждения порождали дискриминацию, дискриминация предубеждения. Предубеждения, установки и взгляды, и особенно стереотипность с её тенденцией к упрощению и генерализации являлись конституирующими элементами стигматизации. [11, с. 54] Стигматизация была связана со стереотипным мышлением о лице, которое, как считалось, обладало рядом негативных свойств, приписываемых в целом лицам данного статуса. Стигматизация обнажала не только механизмы маргинализации и дискриминации, но также и возможные последствия. Одним из них являлось устранение различия между лицами и группами, которые не могут выполнять нормы, и теми, которые не хотят их соблюдать. [8, с.101]

Маргинальные группы создаются обществом и им стигматизируются. Для этого служат представляемые во внешней визуальной форме бросающиеся в глаза атрибуты или отличительные знаки, которые вменялось в обязанность носить определённым лицам или группам. Например, палачи или женщины древнейшей профессии должны были носить элементы одежды определённого цвета. [5, с. 196, 82] Прокажённые должны были предупреждать о своём присутствии посредством бубна, трещотки или рога, а также носить определённое одеяние. [8, с.103] Атрибуты нищенства изначально являлись визуализацией нужды и применялись, вероятно, уже с конца XIII века. В дальнейшем, такие служившие определённым целям внешние признаки рассматривались и использовались в качестве стигмы, причём как в глазах самих нищих, так и общества. [10, с.17; 13, Abb. 10, 18, 27, 48] Раковина св. Якова как знак паломничества в Сантьяго де Компостела превратилась с течением времени в символ мнимых нищих в одеянии паломников. [8, с.103] В целом этаблированные группы общества, которые в период Позднего средневековья оформились в относительно чёткую сословную систему, сформировали амбивалентное отношение в отношении нищих и бродяг, одним из проявлений которого была их оценка как «избегающих труда», обвинение в бесприютности, отсутствии социальных связей, аморальности. [8, с.106]

Наряду с внешними признаками менее важную роль играли формы и методы стигматизации, которые путём писанных и не писанных запретов и требований устанавливали для определённых групп социально-правовые ограничения, закреплявшие маргинализацию. Это проявлялось в запрете или затруднении доступа в церковь или к причастию, либо отведении определённого места в церкви или трактире, например, так называемые, скамьи, стулья или кубки для палачей. С маргинализацией и стигматизацией нередко была связана демонизация отдельных лиц или групп. Это касалось не только евреев или ведьм, но также, например, шпильманов, могильщиков и палачей. [8, с.104]

Маргинализация и формы жизни маргиналов были тесно связаны с представлениями общества о правильном, богоугодном мироустройстве с соответствующей идентификацией социальных групп. Вербальные и письменные мнения, мысли, чувства, неосознанная мотивация и манифестируемые действия участвовали в интерпретации экзистенции как собственной, так и чужой социальной группы, включая маргиналов. Угрозе собственной идентичности противопоставляется акцентирование собственной нормальности и неприятие отклоняющегося поведения маргинальных групп. [8, с.105]

Корпоративное конституирование цехов и гильдий, придворной жизни и организаций духовенства не в последнюю очередь служило целям социальной идентификации. Рыцарство и монахи посредством норм поведения и одежды дефинировали себя как члены элитарных корпораций. [2, с. 576; 1, с. 232] Так соответствующие «стратегии» разграничения проводила знать в отношении министриалов, министриалы в отношении крестьян, феодалы-рыцари и министриалы в отношении горожан, купечество в отношении ремесленников. Однако ни одна из этих разграничительных стратегий не вела к маргинализации указанных сословных корпораций. Все данные группы согласно господствовавшим представлениям имели соответствующее легитимированное и гарантированное место в системе богоустроенного социального порядка, в общественной иерархии, даже если предоставленный статус не отвечал запросам соответствующей группы, и это их объединяло. [8, с.107]

При этом положение городского сословия в позднесредневековом западноевропейском обществе было не столь однозначным. Устанавливавшее социальные нормы духовенство подвергалось сомнению, как минимум теоретически, деятельность и условия существования бюргерства, в частности купечества, а также его политическую организацию, городскую коммуну. [6, с.436; 8, с.108] Результатом этого было стремление горожан к наглядной демонстрации соблюдения норм, ставших альтернативой сельскому феодальному миру. [6, с.436; 8, с.109] Процесс социальной дифференциации в городе сопровождался соответствующим многообразием нормотворчества и регламентаций, охватывавших все сферы жизни. Нормы, ритуалы и обычаи были, в известной степени, пробным камнем социальной легитимации и идентичности. Нарушения норм приводили к исключению из корпорации или к отказу в правах бюргера. При этом некоторые элементы дохристианских и христианских представлений соединялись с архаическим страхом перед чужаками. [8, с.109] И тот, кто демонстрирует признаки отклоняющегося поведения либо соответствующие телесные, нравственно-моральные или профессиональные особенности имел все шансы попасть в беспощадную систему стигматизации и маргинализации. Ограничительные параграфы городского права, цеховых уставов практически всегда действовали на уровне общих средневековых представлений о чести и правах, и лежащие в их основе ключевые понятия «чистый», «честный» и

«свободный» были позаимствованы из области религиозных норм и общественных ценностных ориентаций. Хотя бесчестность имела различные корни, тем не менее, она вызывала одинаковую реакцию отвращения и неприятия у «честного» бюргерства. Со временем забывались первичные причины, приведшие к бесчестности, но столь характерное для средневековых людей упорное сохранение предрассудков приводило к тому, что понятие «бесчестность» закрепилось как полностью легитимное и глубоко укоренилось в народных представлениях. Так цехи и объединения подмастерьев отвергали своих членов, нарушителей табу (подъём гвоздя с виселицы, непреднамеренное застолье с палачом или живодёром, вынужденное оказание помощи в ходе казни и т.д.), как это демонстрировали жёсткие санкции в их отношении.[12, с. 210, 218; 8, с.109]

Принцип существования маргинальных групп исходит из форм жизни «этаблированных» групп. При этом социальной мерой и масштабом являются представления о статусных атрибутах собственной группы, контрастирующие с такими их противоположностями как отсутствие постоянного места жительства и имущества, несвободный статус, отсутствие стабильной профессиональной деятельности, аморальное поведение, запятнанная репутация, внебрачное рождение и т.д. Исходя из позитивной оценки собственной социальной группы, возникает «уничтожающий» образ чужеродности. Результатом таких представлений является стигматизация, отражавшаяся также в позднесредневековом праве. Судебный приговор, фиксирующий нарушение нормы, мог действовать маргинализирующе. Особо обесценивающими были, например, такие наказания как стояние у позорного столба или публичная порка, которые к тому же приводили к стигматизирующему контакту приговорённого с палачом. [8, с.103] Обрезание волос также несло в себе долговременный стигматизирующий эффект, клеймение и увечье являлось по сути пожизненной стигмой. Сожжения, а также посмертные эксгумации обвинённых в ереси и распыление их пепла представляли собой высшую степень стигматизирующей практики. [8, с.104] Маргинализация происходила первично в головах в результате стереотипных представлений, затем вторично путём соответствующих социальных мер.

В Позднее средневековье и раннее новое время честь и право были тесно взаимосвязанными, неотделимыми друг от друга социальными понятиями. При этом право и честь были распределены в обществе неравным образом. Каждое сословие имело свои особые права и свою особую честь. Любой переход в более низкую социальную категорию сопровождался также утратой прежней чести, иными словами сословной чести.

Лишение социальной репутации и доброй славы конкретизировалось в многоступенчатой форме. На самом нижнем уровне бытового социального взаимодействия маргинальность и бесчестность проявлялась в издевательствах, насмешках презрении и ругательствах; на уровне социального устройства, контроля и господства в утрате активного и

пассивного избирательного права, права свободного распоряжения имуществом, доступа к «честным» братствам, цехам и гильдиям, в ограничениях при поиске брачного партнёра и крёстного отца или доступе к образованию.

Существовало также различие между маргинальными оседлыми или мобильными формами экзистенции. В рамках горизонтальной мобильности одним из существенных признаков являлось отсутствие постоянного местожительства, что грозило утратой возможности спасения души, лишением прав и чести. Бродяжничество являлось синонимом бездомности, бесчестности. [3, с. 267; 8, с.51] Мобильность отчуждала человека как от сельской феодальной структуры, так и от ремесленной и корпоративной организации городов. Общество реагировало чувствительно на мобильные формы жизни: купцы, странствующие рыцари, клирики, горнорабочие, ткачи и т.д. нуждались в определённой легитимации и важных основаниях для толерирования их мобильности и причисления их к благочестивому обществу. Разрыв социальных и родственных связей осложнял интеграцию мобильных групп в принципиально статичное и корпоративно структурированное общество. Церковная и светская система норм, теологические и профанные представления о надлежащем мироустройстве, о порядке вещей воспринимали как горизонтальную, так и вертикальную мобильность с настороженностью и враждебностью. [8, с.52]

Таким образом, социальные маргинальные группы средневекового западноевропейского общества следует рассматривать как внесловные группы, включавшие лиц,

– которые не следовали нормам общества, отклонялись от них в своём поведении. При этом решающего значения не имело, не хотят ли данные лица или не могут следовать нормам. Отклонение могло также проявляться через определённые характеристики, такие как внебрачное рождение, физические особенности, чужеродность и т.д.;

– отклоняющееся поведение которых или особые характеристики были заметны и распознаваемы;

– отношение к которым законодателей социальных норм, например, церкви или светской власти либо части общества, претендующей на следование нормам и обычаям, характеризовалось недоверием, предубеждениями и предрассудками, дискриминацией и неприятием;

– которые путём стереотипных представлений общества, объединяющим предрассудки, дискриминацию и неприятие, негативно оценивались и стигматизировались. К этому относились как стигматизирующие (например, телесные наказания, нанесение увечий, отличительные знаки), так и регламентирующие (требования и запреты, касающиеся свободы передвижения, брака, принадлежности к цеху, погребения, геттоизации и т.д.) меры;

– от которых вследствие отклоняющейся «природы» общество дистанцировалось или которых отторгало;

– которые объединялись в группы и под влиянием внешних воздействий (санкции, в частности изоляции, стереотипных представлений) и внутренней динамики (солидарности, группового самосознания, собственных ценностных представлений) образовывали субкультуры. [8, с.111]

Козэкзистенция «этаблированных» и маргинализованных групп и сама маргинальность были непосредственно связаны с отклоняющимся поведением или бытием, с определением и распределением места и статуса в обществе самим обществом, с ритуализированными отграничениями. Идеологическая пре-диспозиция доиндустриальных конструкторов действительности порождала процессы социального отграничения и сепарации, которые определялись мерами стигматизации и санкциями в виде штрафов, клеймения, поведенческих требований и запретов и т.д. Формы жизни, способы поведения, внешние признаки, жесты и т.д. интерпретировались соответствующим образом или даже «придумывались» в осознанном или неосознанном поиске подтверждения социальной деградации. Маргинальные группы дефинировались самим обществом и одновременно являлись его продуктом. [8, с.107] Не отклоняющееся поведение или бытие, а возникающие из этого реакции определяли маргинальность. В итоге эта установленная извне идентичность являлась также идентичностью, принимаемой изнутри самими сепарируемыми группами. Маргинальность и субкультурные моменты облегчали формирование и укрепление стереотипных представлений. [8, с.106-107]

Многоплановость и многоуровневость феномена маргинализации, развивалась и усиливалась по мере усиления социальной дифференциации и корпоративного партикуляризма городского общества

1. Bianchi H. Der Mensch und sein Rechtssystem //Neue Anthropologie. Hg. Von W.-G. Gadamer, P.Vogler, Bd. 4: Kulturantropologie. Stuttgart: Thieme, 1973.
2. Borst A. Lebensformen im Mittelalter. Frankfurt/Main-Berlin: Propyläen, 1973.
3. Brunner O. Land und Herrschaft. Wien: Rohrer, 1965.
4. Cohen A.K. Abweichung und Kontrolle. München: Juventa, 1968.
5. Danckert W. Unehrlische Leute. Die verfemten Berufe. Bern-München: Francke, 1963.
6. Graus F. Randgruppen der städtischen Gesellschaft im Spätmittelalter//Zeitschrift für historische Forschung. 8. Berlin: Duncker & Humblot GmbH, 1981.
7. Gukenbiehl H., Schäfers B. Art. Gruppe // Grundbegriffe der Soziologie / Hrsg. v. Schäfers B. Opladen: Leske-Budrich, 1986.
8. Hartung W. Gesellschaftliche Randgruppen im Spätmittelalter. Phänomen und Begriff // Städtische Gruppen und Minderheiten. Stadt in der Geschichte. Bd. 13 / Hrsg. Kirchgässner B., Reuter F. Sigmaringen: Thorbecke, 1986.
9. Hergemöller, B.-U. Randgruppen der spätmittelalterliche Gesellschaft / hrsg. von B.-U. Hergemöller//Randgruppen der spätmittelalterlichen Gesellschaft. Neu bearb. Ausg. Warendorf: Fahlbusch, 2001.
10. Irsigler F., Lasotta A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker. Randgruppen und Außenseiter in Köln 1300-1600 (Aus der Kölner Stadtgeschichte). Köln: dtv, 1984.
11. Meudt V. Stigmatisierung sozialer Abweichler als Identitätsstrategie//Soziale Welt. Bd.26. Göttingen: Otto Schwarz, 1975.

12. Oexle O.G. Die mittelalterlichen Gilden: Ihre Selbstdeutung und ihr Beitrag zur Formung sozialer Strukturen // Soziale Ordnungen im Selbstverständnis des Mittelalters (Miscellanea Mediaevalia, Bd. 12,1). Hg. von Zimmermann A. Berlin-New York: de Gruyter, 1979. Bd.1.

13. Sachsse CH., Tennstedt F. Bettler, Gauner und Proleten Armut und Armenfürsorge in der deutschen Geschichte. Ein Bild-Lesebuch, Reinbek: Rowohlt 1983.

14. Schur E.M. Abweichendes Verhalten und soziale Kontrolle. Etikettierung und gesellschaftliche Reaktionen. Frankfurt/New York: Herder & Herder, 1974.